

Шудры занимаются услужением, вайшьи живут ремеслом и торговлей, кшатрии — убийством себе подобных; а брахманы избрали деревянную чашу, чтобы жить подаянием. Воин убивает воина, рыба пожирает рыбу, собака грызет собаку, и каждый блюдет свой закон. И в самом деле, о Кришна, вражда никогда не погашается враждою — поэтому не может быть устойчивого мира иначе, чем уничтожение противной стороны.

*Махабхарата, Книга о Старании,
Сказание о посольстве Господа,
шлоки 47—65*

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дурачком, паяцем,
И ночью и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь суммы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет:
— Я знаю, как надо!

Кто скажет:
— Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!

А. Галич

ПРОЛОГ

Ковш Семи Мудрецов накренился над вершиной Махендры — и звездная пыль щедро осыпала лучшую из гор.

Блестки старого серебра запутались в кронах вечнозеленых бакул и гималайских кедров, заставили озабоченно всхрапнуть антилоп в чаще, и иглы спешащего по своим делам дикобраза мигмом превратились в диадему, достойную Серебряного Арджуны, сына Громовержца.

Правда, самому дикобразу это отнюдь не прибавило героического пыла — косолапо отбежав в тень кривой шелковицы, он долго пыхтел и косился по сторонам, после чего счел излишним вернуться в теплый уют норы.

И тихий смех пролился из ковша следом за светом.

Небо жило своей обыденной жизнью: благодушествовала Семерка Мудрецов, бесконечно далекая от суеты Трехмирья, шевелил клешнями усатый Каркотака, багрово мерцал неистовый воитель Уголек, суля потерю скота и доброго имени всем рожденным под его щитом; двурогий Сом-Месяц желтел и сох от чахотки, снедаемый проклятием ревнивого Словоблуда, и с тоской взирала на них обоих, на любовника и мужа, несчастная звезда со смешным именем Красна Девнца...

Угасни все разом — что будет?!

Тьма?!

Преддверье рассвета?!

— Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, — внезапно прозвучало и поплыло над Махендрой в алмазных бликах. — Она ею начинается.

Небо замерло в изумлении. Странные слова, странный смысл, и голос тоже странный. Сухой и шершавый — таким

голосом котлы чистить вместо песка... Гибель? Нашего мира? Значит, и *нашего* тоже? Общего? Если бы темный полог мог помнить то, что помнило ярко-синее полотнище, раскинутое от века над дневным простором... Странные слова не были бы для неба внове: оно уже слышало их на рассвете. Пропустив мимо ушей, или чем там оно слышит, — день мало располагает к разговорам о гибели. Колесница Солнца ходко бежит по накатанной дороге в зенит, звеня золотыми гонгами, щебет птиц заставляет улыбнуться Заревого Аруну-возничего, и все десять сторон света покамест никуда не делись, трогай-щупай...

Ночь — совсем другое дело.

Ночное.

Какая-то особо любопытная звезда соколом метнулась вниз, вспыхнув на миг ярче брызг водопада в отрогах Гималаев. Разглядела в свете собственной гибели — вон они, люди. Двое. На поляне у небольшого костерка. И пламя ожесточенно плюется искрами, будто тщетно пытается избавиться от скверного привкуса тех самых слов...

Грозное мычание прозвучало снизу, и звезда умерла.

Но вслед за отчаянной подругой с высоты низринулся целый поток сверкающих красавиц. И кручи Восточных Гхат расцвели фейерверком вспышек, заставляя одного из людей у костра прикрыть глаза козырьком ладони.

Жест был скорее машинальным, и сразу становилось ясным: человек защитил взор от чего-то, что крылось в его памяти и что сейчас напомнило ему массовое самоубийство детей неба.

Из-под навеса жесткой, мозолистой ладони, похожей на кусок коры векового платана, на мир смотрела адская бездна Тапана. Расплавленный мрак, пред которым ночная темень кажется светлым праздником, кипень черного пламени. И вмиг ожили, стали правдой древние истории о смертоносном взоре Змия-Узурпатора, который выпивал силу из живых существ, не делая разницы между богами, святыми подвижниками и мятежными гигантами-данавами.

Ладонь опустилась, огладив по дороге костистый подбородок, и в ответ движению тихо проструилась вдоль костявого хребта плеть седых волос. Туго заплетенная по обряду

шиваитов, коса с тщательно распущенным кончиком сразу выдавала в человеке аскета-отшельника, да старик и не пытался скрывать этого. Ни косы, ни смоляного взгляда, ни боевой секиры, лежащей рядом, — ничего он не скрывал, этот удивительный хозяин Махендры, чьи слова только что заставили трепетать небо! Пальцы с набухшими бочонками суставов истово затеребили кончик косы, другая же рука медленно опустилась на ледяной металл секиры и осталась там, словно пытаясь поделиться своим теплом с белым быком, выгравированным на лезвии.

И, услышав выкрик гибнущих звезд-лазутчиков, прищурилась Семерка Мудрецов, попятился назад Каркотака, зацепившись клешней за созвездие Кормилицы, а воитель Уголек каплей свежепролитой крови сполз поближе к равнодушному Месяцу.

Потому что у костра теребил косу Рама-с-Топором, живая легенда Трехмирья... Нет, иначе — смертная легенда Трехмирья, к которой Смерть-Морена в багряных одеждах забыла дорогу.

Или делала вид, что забыла.

— Гибель мира? — переспросил собеседник аскета и гулко откашлялся. — Ну ты и скажешь, тезка! Оглядишь: павлины буянят, звезды светят, комарье свирепствует чище сборщиков податей — где ж он, твой конец? Начался, бедолага, только мы не заметили? А то, что война — так это у нас дело обыденное! Жаль, конечно, дурней, пока не выстелят Поле Куру трупами в сто слоев, не угомонятся... Ну да ладно, зато остаточки потом разбегутся по бабам детишек строгать! Покойничкам куда-то перерождаться надо? Надо! Не всем же в крокодилов! Вот и засопит Великая Бхарата над супругами и любовницами...

Он расхохотался и хлестким ударом пришиб комара, опрометчиво севшего на волосатую грудь.

Окажись на месте нахала-комара матерый леопард, результат вышел бы примерно одинаковым.

Был собеседник аскета светловолос, в плечах широк неимоверно, одежду носил темно-синюю, с вышитыми поверх гирляндами полевых цветов — и, завидя его, любой человек,

будь то пахарь или раджа, непременно пал бы на колени и вознес хвалу судьбе за счастливую встречу.

Ибо нечасто и немногим доводилось лично встречать Раму-Здоровяка по прозвищу Сохач, живое воплощение Вселенского Змея Шеша о тысяче голов, сводного брата самого Черного Баламута¹.

Правда, поговаривали, что Здоровяк изрядно опозорил род и честь, наотрез отказавшись принять участие в Великой Битве на Поле Куру, — но заявить об этом прямо в лицо, да еще в такое лицо...

Увольте, почтенные!

Уж лучше мы падем себе на колени да восхвалим, как должно...

— Смешной ты человек, Здоровяк! — После этого, мягко говоря, удивительного заявления аскет бросил терзать свою косу и воззрился на плечистого тезку. — Интересно, как ты себе представляешь конец света? Ну, давай, поделись со скудомным!

Комары кружились над отшельником, текли раздраженным звоном, но садиться не решались.

— Как? — Здоровяк замялся и подбросил в огонь охалку заготовленного впрок сушняка, пытаясь скрыть замешательство. — Ну, как все... это... значит, всплывает из океанских глубин Кобылья Пасть, огнем себе пышет, зараза, водица вокруг нее кипит...

Могучая холка его побагровела, словно Здоровяку на плечи взвалили твердь земную, голубые глаза затуманились, и во всем облике проступил душевный разлад.

— Хана, короче! Всем и сразу! Ну чего ты привязался, тезка?! Дуракам ведь ясно...

— Ясно! — передразнил его аскет. — Дуракам-то ясно, всем и сразу! Раскинь умом, мудрец ты мой! Вот возьму я сейчас Топор-Подарок, пройдусь по тебе наискосочек... Да не дергайся, это я так, к слову! Тебе от такого гостинца конец будет?

— Будет, — уверенно подтвердил Рама-Здоровяк, прозванный Сохачом за то, что в рукопашной схватке вместо бу-

¹Черный Баламут — Кришна Джанардана (санскр.).

лавы предпочитал использовать цельнометаллическую соху. — Ежели наискосочек, то непременно будет. А вот ежели я увернусь, да выдеру вон то деревце, да комельком тебя благословлю по темечку...

Аскет просто руками всплеснул: видимо, уж очень возмутила Раму-с-Топором неспособность Здоровяка рассуждать на отвлеченные темы.

Да и то сказать: топором наискосочек — это вам, уважаемые, не истинная природа Атмана-Безликого, тут диспутов не рассиропишь...

— Ох, тетка, лень тебе мозгами шевелить! Ну представь: вот тебе конец пришел, вот ты помер, вот я тебя на погребальном костре сжег... Представил? Гибель свою представил?

— Угу, — без особой уверенности кивнул Здоровяк, наморщив лоб. — Представил. Помер и горю. Потом сгорел.

Он вдруг просиял и широко улыбнулся, как человек, только что закончивший тяжелую изнурительную работу.

— Представил! — Басистый вопль Здоровяка переполошил сонных попугаев в кронах деревьев, и вдалеке хором откликнулись шакалы. — Представил, тетка! Ух, как тебя вижу: горю я, значит, на костерке, пополам разрубленный, горю-горюю, а потом — рай, тетка! Апсары пляшут, медовухи реки разливанные, гандхарвы-песнопевцы струны рвут, мою любимую «Яма Яме подвернулась» раза по три, без напоминаний...

— А дальше?

— Чего — дальше? А-а-а... ну, дальше отдохну я как следует, обожрись райским харчем под завязку, и на следующее воплощение! Брахманом буду! Ей-ей, брахманом...

Здоровяк угас так же внезапно, как и вспыхнул, после чего добавил глухим, совершенно чужим голосом:

— Чтоб не воевать. Не люблю я это дело, тетка... полвека на земле прожил, а так и не полюбил. Эх, беда, брахманы и те воюют! Вот ты, например, или там Наставник Дрона...

— Ну и где ж конец? — тихо спросил аскет, лаская стального быка, пасущегося на полулунном лугу секиры. — Гибель где, тетка?

Здоровяк не ответил.

Молчал, хмурился, сопел весенним носорогом.

— Выходит, что нету ее, — наконец пробормотал он. —
Вроде есть — и вроде нету...

Аскет перегнулся вперед и потрепал силача по плечу.

— Вот так-то, тезка! Только не радуйся раньше времени.
А то ведь можно и по-другому сказать: вроде нету ее, гибели,
— и вроде есть! Соображаешь?

Край неба на северо-западе резко вспух светло-лиловым
нарывом. Спустя секунду горизонт прорвался осколками-
бликами, брызгами кипящего гноя, залив ковш Семи Мудре-
цов до половины.

Натужный рокот донесся лишь через полторы минуты —
и казалось, что Земля-Корова умирает в корчах, не в силах
разродиться чудовищным двухголовым теленком, предвест-
ником несчастий.

— Собачья моча! — выругался аскет самым страшным ру-
гательством южан Скотьега Брода, ибо худшей скверны труд-
но было найти во всем Трехмирье. — Руку даю на отсечение,
это же «Алая Тварь»! Куда боги смотрят?! Ее ж, кроме как в
Безначалье, нигде выпускать нельзя! Ох, Здоровяк, заварил
твой братец кашу, как расхлебывать-то будем?

Не ответив, Здоровяк встал и с хрустом потянулся.

В отсветах костра он казался существом из рода гигантов,
вверженным в огонь геенны только за то, что имел неосто-
рожность родиться с сурами-богами в одном роду, да не в од-
ной семье.

— Братец? А мой ли он братец, тезка? Люблю я его, стер-
веца, с самого детства люблю, душу за него выну-растопчу, а
иной раз и закрадется мыслишка: брат ли он мне? Он черный,
я белый, волосы у меня прямые да светлые, а у него, у Криш-
ны-Баламута, смоль кучерявая; меня раздражить — дня не
хватит, а он сухостоем вспыхивает... Матери у нас разные, от-
цы разные — где ж такие братья водятся?!

Рама-с-Топором удивленно воззрился на Раму-Здоровяка
снизу вверх.

Так смотрят на слона, который ни с того ни с сего загово-
рил по-человечески.

— Отцы разные? Матери? Что ты несешь, тезка?

— То и несуду! Сидишь тут на своей Махендре пень пнем и ничего не слышишь, что вокрут тебя творится!

— Нет, ты погоди! Я все слышу, а чего не слышу, так тоже не беда! Всякому известно: ты седьмой сын, а Кришна — восьмой, тебя из материнского чрева боги вынули и в другое вложили, чтоб тебе в тюрьме не рождаться...

Аскет осекся и вновь принялся теревить многострадальную косу.

— Старею, — заключил он после долгого молчания. — И впрямь — пень пнем... Помирать пора, зажился. Кругом ты прав, тезка: и отцы разные, и матери, а сказок я за жизнь по самое не могу наслушался. Прости.

«Прости, сынок...» — беззвучно прошептала несчастная звезда со смешным именем Красна Девица. И небесные жители отвернулись в смущении — мать Здравяка, чье чрево якобы приняло чужой зародыш божественным соизволением, носила точно такое же смешное имя.

— Что уж тут прощать, тезка? Думаешь, легко числиться в братьях у того, на ком «зиждется ход всех событий, ибо он — владыка живущих»? Еще в колыбели стоило Кришне зевнуть, как меня будили восторженные вопли нянек! Видите ли, в глотке у младенца обнаруживалась вся Вселенная с небесной твердью и просторами земными! А я с детства считался тупым увальнем, потому что видел лишь зевающий рот и ничего больше!..

Огромная ночная бабочка бестрепетно присела на руку к Здравяку. Повела мохнатыми усиками, всплеснула крыльями, словно не одобряя шумного поведения своего нового наместа, и задремала, пригревшись. Очень осторожно силач опустил на прежнее место, положил руку с бабочкой на колени и долго глядел на цветастую страницу.

Усы топорщил.

Пышные — тысячу бабочек хватит осчастливить.

— Все его любят, Баламута, — еле слышно прогудел он, забыв о собеседнике и разговаривая больше сам с собой. — Бабы — табунами, мужики слоновье дерьмо жрать готовы, лишь бы он ласковое слово им бросил! Там, на Поле Куру, ведь дохнут же, глотки рвут, друг дружку лютой ненавистью... а его — любят! Пальцем не трогают! А я, тезка, я его больше всех люб-

лю... Люблю, а вот драться плечом к плечу — не пошел. Это, наверное, потому, что драться я умею хорошо, а любить — плохо. Как полагаешь?

Жесткая ладонь аскета легла на запястье примолкшего Здоровяка, и бабочка зашевелилась — не сменить ли насест?

Нет, решила, что от добра добра не ищут.

— Он любил хватать телят за хвосты и дергать, — нараспев произнес Рама-с-Топором, подмигнув мрачному брату Черного Баламута, — пить тайком из сосудов свежевзбитое масло и делиться с обезьянами украденной пищей. Когда женщины доили коров, он пробирался в их дома, пугал малых ребятешек, пробивал дырки в горшках со сметаной и только смеялся, когда ему выговаривали за проступки...

— Да, тетка, все было именно так. — Силач кивнул, не поднимая взгляда. — Храмовые писцы не соврали. Ни на ману¹. И даже когда Канса-Ирод, местный царек, велел перебить всех десятидневных младенцев в окрестностях Матхуры, надеясь в числе прочих истребить новорожденного Баламута, матери убитых желали Ироду адских мук, а Кришне простили и это. Кого другого прокляли бы на веки вечные, а ему простили. И эту Великую Битву тоже простят.

Ковш Семи Мудрецов скользнул ниже. Махендра, лучшая из гор, почему-то замолчала, а мудрецы, отличаясь любопытством, не отличались терпеливостью.

Бабочка сорвалась с руки Здоровяка и устремилась в небо. Жизнь пестрой летунии была столь коротка, что преступно растрачивать драгоценные мгновения на долгие разговоры, а на долгое молчание — вдвое преступней.

«Простят?» — спрашивали Семеро Мудрецов, сверкая сединами.

«Простят?!» — пятясь назад, изумленно скрипел усатый Каркотака.

«Простят...» — посмеивался воитель Уголек, оправляя одежды цвета смерти.

Сома-Месяц не вмешивался.

Он умирал, чтобы родиться вновь.

¹ М а н а — мера веса, 0,5 г. Применяется обычно в ювелирном деле.

* * *

Два тезки сидели у костра: Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, брат Черного Баламута, и Рама-с-Топором, сын Пламенного Джамада.

На благородном языке: Баларама Халаюдха и Парашурама Джамадагня.

Двое трусов, уклонившихся от Великой Битвы.

И вокруг них беззвучно завершался двадцать седьмой день зимнего месяца Магха. День гибели мира, день начала Эры Мрака; день, который ох как не скоро назовут восемнадцатым февраля.

Самоуверенно добавив: восемнадцатое февраля три тысячи сто второго года до нашей эры — как будто Эра Мрака может делиться на нашу и чужую.

Двое мужчин сидели с закрытыми глазами и видели одно и то же. Поле Куру, тишина, и в ночной прохладе меж трупами людей, слонов и лошадей бродит чернокожий красавец, улыбаясь невинной улыбкой ребенка.

Вот он поднимает голову, вот гигантская крылатая тень перечеркивает небо над полем брани...

И звезды тускнеют в испуге.

Книга первая

**ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ
ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА
ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Бали сказал:
— В стычках премудрые боги
мною были разбиты,
Я швырял многократно горы с
лесами и водопадами,
Вершины, скалы я разбивал о
твою голову в схватке!
Но что же могу поделать?
Трудно осилить время.
Разве тебя, с твоим перуном,
мне кулаком убить не под силу?
Но теперь не время отваге, время
терпенью настало!

*Махабхарата, Книга о Спасении,
шлоки 370—374*

**Зимний месяц Магха, 28-й день
БЕСПУТСТВО НАРОДА**

В течение длительного времени, вставая неизменно по утрам, мы создавали это превосходное сказание с целью сделать благодеяние миру...

Глава I
РАЙСКИЕ ДЕМОНЫ

1

Крылатая тень наискось перечеркнула небо над Полем Куру, на миг размазалась туманной свастикой и устремилась ввысь, почти сразу исчезнув из виду.

Воздушные пути сиддхов покорней запуганного пса стелились навстречу Гаруде-Проглоту, Лучшему из пернатых, виляя белопенными хвостами; и летучие колесницы полубогов расторопно спешили убраться с дороги, не дожидаясь, пока их сметет яростный ураган. А потом возникшие еще долго смотрели через плечо вослед орлу-исполину и изумленно хмыкали: Гаруда сегодня летел гораздо медленней обычного. Да и наездник его меньше всего походил на Вишну-Опекуна, коему полагалось восседать на Проглоте.

Меня абсолютно не занимали косые взгляды и дурацкое хмыканье с обочины.

Пусть их.

Дрема текла по векам расплавленным свинцом. Тело само собой зарывалось все глубже в теплый пух, сон-нянька обкладывал меня подушками, взбитыми ласковой рукой, и легконогие видения хороводом бродили вокруг расслабленного Громовержца, словно апсары в ожидании выбора.

Ушедший в небытие день, со всеми его заботами и злоключениями, казался марой, туманной дымкой над озером, жить которой — до рассветного ветерка.

Чужак во мне ворочался, отказываясь соглашаться с радужными надеждами, но и он не мог сейчас меня всерьез потревожить.

Я чувствовал себя легко и спокойно, как зародыш в яйце, в Золотом Яйце на заре творения мира, и мне не нужно было видеть, чтобы знать и чувствовать. Вон она, сверкает под звездами, обвитая спиралью нашего полета, — славная гора Меру, незыблемая ось Трехмирья, похожая на цветок лотоса или, скорее, на сложной формы вертел, которым проткнули насквозь три куса оленины и поместили в печь... Хороша печурка! Внешняя оболочка окружена водой, чья толща десятикратно превосходит диаметр Второго Мира, вода, в свою очередь, окружена огнем, огонь — воздухом, воздух — разумом, разум — источником всего сущего, а источник всего сущего — Высшим принципом.

Запомнили?

А теперь повторите без запинки.

Как там говаривал Словоблуд, когда излагал Индре-недорослю всю эту дребедень? А-а, вспомнил... «Умножить, маль-

чик мой, можно все на все! Вечность на вечность? Сколько угодно! Получится вечность вечностей! Свихнуться можно от счастья...»

И я искренне полагал тогда, что Словоблуд действительно умножил все на все, после чего свихнулся.

От счастья.

Странное, полузабытое, наивно-детское ощущение всплыло в глубине души. Словно я вновь стал ребенком, которого еще никто и никогда не величал Громовержцем и уж тем паче Владыкой; я маленький, я усталый, и мама Адити-Безграничность сидит у изголовья, тихо мурлыча колыбельную без слов и смысла, насквозь пронизанную материнским теплом... теплом, в котором нет ни капли от Жара-тапаса аскезы или от безудержного полыхания перуна...

Или от огненной пасти, явившейся в Безначалье трем Миродержцам из восьми; пасти, видение которой превращало Витязя-Арджуну, моего сына, в дрожащего ублюдка.

Мама, спой мне колыбельную.

Мама, я устал быть Индрой.

Мама...

— Мама моя родная! Совсем забыл!

Клекот Гаруды вышвырнул меня из уютной дремы, и я завертел головой, спросонья ища... врага? хор гандхарвов? Брихаса с утренним докладом?

ТЬфу ты, пропасть!

— Что случилось, друг мой? Твои драгоценные перья намокли от ночной сырости? Твой желудок, да не опустеет он веками, действительно потребовал насыщения? В чем дело?!

Никаких других причин, способных серьезно взволновать Лучшего из пернатых, я придумать не мог.

Гаруда повернул ко мне голову, дыбом встопорщив шейные перья, и сверкнул черной бусиной глаза. В глазе отражался я, и отражение мне не понравилось. Беспокойное какое-то отражение, встрепанное... или это просто глаз птички слезится от ветра?

— Увы, друг мой Индра, есть в Трехмирье вещи и поважнее моего пустого желудка! Гораздо важнее!

Я чуть не свалился вниз. Огненные пасти в Безначалье или потеря силы Громовержцем — что они в сравнении с подобным заявлением! Дхик!¹ Хвост от дохлого осла! А я-то думал, что после вчерашней свистопляски разучился удивляться...

— Смею ли я надеяться, о крылатый друг мой, — от волнения я и сам не заметил, как заговорил в Словоблудовой манере, — что мне доведется услышать рассказ о твоих заботах?

И уже после первых слов птицебога, чей клекот с легкостью перекрывал свист ветра в ушах, стало ясно: «сегодня» грозит быть достойным преемником «вчера».

2

...Это началось лет семьдесят-восемьдесят тому назад — точнее Гаруда не помнил.

Забредя под вечер на южную окраину Вайкунтхи, лично-го имения Вишну-Опекуна, где Гаруда чувствовал себя полноправным хозяином, Лучший из пернатых был остановлен хриплым рыком:

— Стой, жевать буду!

Восприняв выкрик как личное оскорбление — жевать без Гаруды?! — гордый птицебог и не подумал остановиться. Даже обыденный малый облик не потрудился сменить. Мало ли, всякие твари глотку драть станут, а мы всех слушайся? Мы и сами горазды... Стой, клевать буду!

И глотать.

Обогнув решетчатую ограду, которой он раньше здесь вроде бы не замечал, Гаруда клюв к носу столкнулся с такой гнусной образиной, что на миг забыл, где находится. А когда вспомнил — взъерошил перья и еле удержался, чтобы не начать властным крылом наводить порядок.

Вайкунтха изобиловала смиренными праведниками и царственными мудрецами, девицами из свиты Лакшми, богами счастья, и свитскими полубогами самого хозяина Вишну — но...

Вот именно что «но»!

¹ Дх и к! — «Тьфу!» (санскр.)

— Ты кто такой? — строго поинтересовался птицебог у гогочущей образины.

— Праведники мы, — гнусаво хрюкнули в ответ и после некоторой паузы добавили: — Смиренные. Чего вылупился, индюк? Ом мани!

Священный возглас походил больше на нечто среднее между «обманом» и «обменом».

— А почему у тебя такие большие зубы? — Будучи при исполнении, Гаруда решил покамест проглотить «индюка».

До поры.

— А чтоб топленое маслице котлами лопать! — Образина оказалась бойкой на язык.

— А почему у тебя такие большие когти?

— А чтоб четки бойчей перебирались! — не сдавался наглец, демонстративно почесывая когтем лохматое брюхо. — Мы это... мы молились, мы молились, не мычали, не телились... Эй, индюк, напомни, как дальше?

Похабную песенку, которую затянула образина, Гаруда однажды имел удовольствие слышать — пролетая над ночным кладбищем, где пировала удалая компания пищачей.

И допустить подобное безобразие у себя в Вайкунтхе никак не мог.

В запале приняв свой истинный облик... Впрочем, птицебогу почти сразу пришлось уменьшиться вшестеро, иначе он вынужден был бы гоняться за нахалом, как слон за мышью. К счастью, образина напрочь обалдела от такого поворота событий и даже не попыталась сбежать. Разве что вякнула нечленораздельно, когда могучий клюв ухватил хама за шкуру, словно напроказившего котенка, и налитые кровью глазищи образины плотно зажмурились.

Высоты боялся, праведник.

«Я тебе покажу индюка! — злорадствовал Гаруда, взлетая так быстро, как только мог, и потряхивая для остратки скукоженного пленника. — Жевать он, видите ли, будет, скотина! Масло топленое лопать! Смолы тебе, пакостнику, а не масла!»

И лишь вылетая за пределы Вайкунтхи, птицебогу пришло в его клювастую голову: подобной мерзости просто по определению не могло быть в райской обители Вишну-Опекуна!

Даже на окраине.

Но увесистая ноша, что кулем болталась в мертвой хватке Лучшего из пернатых, мало походила на иллюзию.

И пахла скверно.

Гаруда вздохнул, едва не выронив образину, заложил крутой вираж и взял курс на дворец Вишну.

Когда золотые купола и остроконечные башенки Опе-кунской обители замаячили на горизонте, а внизу начались тенистые рощи с павильонами, Гаруде вдруг показалось, что он несет не праведника-самозванца, а по меньшей мере белого быка Шивы.

Через секунду бык Шивы превратился в слона-Земле-держца, любого из четырех по выбору, слон — в благословенную гору Мандару, служившую мутовкой при пахтанье океана, и клюв Лучшего из пернатых разжался сам собой.

Подхватить пленника на лету не удалось, и бедолага свалился напрямик в хитросплетение ветвей акации. Надо заметить, единственной акации на обозримом пространстве. Старой и на редкость колючей. Спикировав вниз, Гаруда вцепился когтями в густую шерсть на загривке и поясище образины, поднатужился и принялся выдирать стенающую жертву из шипастых объятий.

Выдрал.

Набрал высоту.

И даже трижды успел ударить крыльями.

Насмерть перепуганный пленник вдруг сделался скорбен животом, словно некий доброхот прошелся на его счет «Пишачем-Весельчаком»; жуткая вонь заставила небеса вопить — и Гаруду стошнило впервые за всю его долгую жизнь.

Лучший из пернатых даже представить себе не мог, что такое бывает — извергнуть съеденное.

Воображение отказывало.

На этот раз невезучий самозванец в туче нечистот и блевотины шлепнулся в открытый бассейн, умудрившись при этом до основания снести выступающий над водой балкончик и изрядно ободраться о керамическую облицовку бортика.

Казалось, он задался целью явить собой пример, что означает «спустить семь шкур».

Гаруда извлек его, полузадохшегося и перхающего сизыми пузырями, разложил для просушки на злополучном бортике и задумался.

Умереть в Вайкунтхе — это надо было обладать той еще удачей; но что-то подсказывало птицебогу — живьем он добычу до дворца не донесет.

Рядом с бассейном предавался благочестивым размышлениям плешивый старик с тощими ручками-ножками и округлым брюшком — по всему видать, великий мудрец и праведник. Явление с небес сперва мохнатого крикуна, а затем Лучшего из пернатых отвлекло старца от бормотания мантр, и он сперва бочком подобрался ближе, а там и решил завести беседу.

Мудростью поделиться.

— И рад бы ракшас в рай, да грахи¹ не пускают! — приятно улыбаясь и слегка картавя, сообщил мудрец. — Нет, сынок, живым не дотянешь...

— Сам знаю, — буркнул Гаруда, ищась клювом под мышками, и язвительно добавил: — Папаша...

Он очень не любил, когда кто-то угадывал его мысли.

Наверное, потому, что это случалось чаще, чем Гаруде хотелось бы.

Слова мудреца медленно проникали под своды птичьего черепа (видимо, из-за картавости старца), располагались уютнее, становились своими, родными...

«Ракшас! — осенило птицебога. — Точно, ракшас! Как же я сам-то...»

И почти сразу, молотом вдогонку озарению: «Ракшас в Вайкунтхе?!»

— Нет, не донесешь, — разглагольствовал меж тем словоохотливый мудрец, игнорируя как шумные страдания ракшаса, так и разброд в душе Гаруды. — Жару не хватит...

— У меня? — возмутился птицебог. — Да я... всю Землю...

— На одном крыле, — мелеенько закивал мудрец, ибо прекрасно знал любимую притяжку Лучшего из пернатых. —

¹ Г р а х и — напасти, грехи, злые мелкие твари, сбивающие всех с правильного пути.

Ты вот что, сынок: не ерепенься, оставляй бедолажку тут, пущай подсохнет, оправится... Ишь, умаял ты его!

— Не сдохнет? — озабоченно поинтересовался Гаруда.

— Не должен вроде... Я с ним малость поделюсь от доброты душевной, поддам Жарку-то (мудрец выражался замысловато, но Гаруде сейчас было не до умственных завитушек)! А ты, сынок, мотай по своим делам-делишкам, куда тебе надобно... Только вертайся быстрее, слышь?! У меня тапас не казенный, тяжким трудом нажитый, надолго не хватит! Договорились?

По хитренькой физиономии мудреца ясно читалось, что дело тут отнюдь не в доброте душевной, а в суетном желании повыспрашивать свежую душу о последних сплетнях.

В своем умении разговорить кого угодно, пусть даже и ракшаса-мученика, старец не сомневался.

Гаруда поблагодарил плешивца и, оставив полумертвого пленника на попечение мудреца, вновь стал набирать высоту.

К счастью, в те годы у Вишну-Опекуна на Земле была всего одна серьезная аватара — Черный Островитянин, урод-гений, и поэтому, задав хозяину вопрос, Гаруда всерьез рассчитывал получить ответ.

3

— И ты представляешь, друг мой Индра, что мне ответил Вишну?

— Похвалил за бдительность? — предположил я.

Увлечшись рассказом, Гаруда перешел на спокойное планирование в восходящих потоках, и мы с нашим орлом парили сейчас как раз между Миром Покаяния и Миром Вечной Истины.

Что, согласитесь, символично.

— Ничего подобного! Сперва отругал, как голозадного птенца, что сую клюв не в свои дела! Потом строго-настрого запретил таскать незнакомые существа туда-сюда по Вайкунтхе! Потом принялся выспрашивать, как и почему я не сумел дотащить мохнатого обормота до Опекунского дворца... три раза заставил повторить, в подробностях! Ты думаешь,

друг мой Индра, мне приятно было всю эту гадость вспоминать-рассказывать, да еще и трижды?!

Забывшись, Гаруда резко повел правым крылом, и мы сильно сместились к Миру Покаяния.

Что тоже было символично.

— И лишь после, друг мой Индра, хлебнув амриты и успокоившись, Опекун соизволил объясниться! Оказывается, Вишну взбрело в голову воздвигнуть на окраине своего имения какой-то совершенно особенный храм! С особенными брахманами! С особенными службами! Со всем особенным-разособенным! И что самое главное — с охраной!!!

— Что?!

— Да-да, именно с охраной! И вот этот пакостный ракшас-грубиян, эта образаина, говорившая со мной в непозволительном тоне, — он, видите ли, и есть первая ласточка будущей охраны! Представляешь?!

Я честно попытался представить.

И — ничего.

В смысле, ничего не вышло.

Тогда я попытался представить по-другому, примерив услышанное на себя. Ну, допустим, стукнуло мне в голову основать на окраине Обители Тридцати Трех храм. Особенный храм. Особенней не бывает. Ну, собрал я туда праведников, добавил мудрецов по вкусу, щепотку младших брахманов, вскипятил на Жару... А охранять-то зачем? От кого?!

Если я не в силах сохранить неприкосновенность всей Обители, то, во-первых, гнилой из меня Индра и медяк цена моим дружинникам-Марутам, головорезам облаков, а во-вторых, тогда уж и храм пропадай — не жалко!

А если мне боязно, что в храм проникнет кто-то из своих, например Словоблуд (хотя какого бхута ему это сдалось, да еще тайком?), то надо быть умалишенным, чтобы ставить во-круг охрану из ракшасов!

И вообще — ракшасы в раю?!

Райские демоны?!

— ...толпа, друг мой Индра! — прервал мои размышления клетот Гаруды. — Клянусь раковиной Опекуна, целую толпу

набрал! Один другого поганей! Хорошо хоть, дальше окраины не лезут...

— Хорошо, — машинально поддакнул я, по-прежнему находясь в раздумьях относительно странностей нашего маленького Упендры с его храмами-охранами.

С размаху влетев в чужую жизнь, в полвека существования Гангеи Грозного, я твердо усвоил: братец Вишну иногда делает глупости, но он ничего не делает просто так.

— Что тут хорошего?! — возмутился непоследовательный Гаруда, чуть в запале не скинув меня со спины. — Что хорошего, я спрашиваю! Вонь до самой Дхрувы, ор до самой Нарак¹; о беспорядках я вообще не говорю! Охраннички! Бездельничают, сквернословят, да еще и молочко-сметанка им, видите ли, не нравится! Представляешь, друг мой Индра, мяса требуют! С кровью! Слабопрожаренного!

Я заставил-таки себя сосредоточиться и через минуту уже был в курсе забот Лучшего из пернатых.

Оказывается, охраннички-буяны в последнее время стали переборчивы в пище. Старые привычки взяли свое, и ракшасы дружно потребовали мяса, заявив, что из-за покладистости и пресловутой «доброты душевной» не будут настаивать на человечине. Можно говядину. Что? Святотатство?! Посягательство на лучшее из животных?! Ну, знаете, на вас не угодишь, человечинку нельзя, говядинки шиш допросишься... Рыбки? Постненького карпика?! Сами ее жрите, рыбку вашу, у нас от нее понос, золотуха и линька на неделю раньше начинается! А ты, дылда крылатая, не смей клювом, не смей, а то мы тебе... и Опекуну наябедничаем.

Вот.

Вчера вечером, за ужином, этот спор достиг своего апогея. И сегодня на рассвете, перед доставкой завтрака, Гаруда как раз собирался явиться лично и проследить, дабы молочные продукты были употреблены по назначению. Даже если ему придется силой запикивать добро в глотки строптивых охранников.

А тут — Индра зовет...

¹ Д х р у в а — Полярная звезда; Н а р а к а — адская полость в Земле.

Не требовалось объяснений, чтобы понять: если мы сейчас продолжим путь к Обители Тридцати Трех, то в Вайкунтху Гаруда успеет в лучшем случае к обеду.

Лишившись удовольствия принудительной кормежки.

Особенно при учете полной безнаказанности самого Гаруды — братец Вишну, расчетверившись сознанием между тремя аватарами и самим собой, был практически невменяем, а значит, безопасен.

Выкинуть охрану из имения Лучший из пернатых все же не решался, зато вразумить... Мы всю Землю, понимаешь, на одном крыле — а тут какие-то пакостники!..

— Поворачивай! — решившись, скомандовал я. — Давай, друг мой, не мнись, шевели крылышками!

— В Обитель? — не понял Гаруда. — Эх, дела делами, а дружба дороже!

— Вот именно что дороже! Помнишь, приятель, ты задолжал мне один завтрак? Гони в Вайкунтху, должок возвращать! Заодно и с буянами твоими разберемся.

— Индра! — просиял Лучший из пернатых, закладывая такой вираж, что у меня дух захватило. — Владыка! Век не забуду! Ох, и позавтракаем... небу жарко станет!

И гигантский орел пошел пластать небесные пути сидхов крупными ломтями.

Я сидел у него на спине, зарывшись в пух до подбородка, улыбался про себя и думал, что сегодня мне повезло.

Иначе я никогда не смог бы проникнуть в имение братца Вишну, не привлекая к себе внимания.

4

— Братва! За что кровь проливали?! За сметану их клятую?!

— Ниче! Были кровь с молоком, а пройдушь кулаком — молоко с кровью, пейте на здоровье!

— Сами небось ягнят трескают! С подливкой! С грибочками! С перепелиными сердчишками! С этими... как их...

— Не трави душу! Тело сдохло, одна душа осталась — не трави, говорю!

— Пошли, пустим красного фазана!

— Верно! Назвался Опекуном — опекай! Или мы сами... миром навалимся...

— Сами!

— Братва! Не могу молчать!..

— Эхма! Где наша не пропадала! В раю — краем, в аду — пропадом!..

Поначалу я наблюдал за всем этим столпотворением со стороны. Еще на подлете мне стоило больших трудов уломать Гаруду не соваться сразу в драку, а уменьшиться и обождать за дальними тумбами из гранита-слодянца. На которых чинно восседали изваяния пяти бессмертных аватар братца Вишну: Рыба, Черепаха, Вепрь, Человеколев и Карлик.

За Карликом опять торчала лупоглазая рыба морда с рогом посередине лба — и так по кругу.

Я надеялся, что в компании статуй любопытный клюв Проглота, даже торча между пяточком Вепря и грандиозным лингамом Карлика, сойдет незамеченным.

Верней, не «даже», а именно поэтому.

Сразу за тумбами-постаментами начиналась решетчатая ограда, о которой упоминал Лучший из пернатых, а в кольце решеток возвышались здания, чей вид мигом напомнил мне «Канон Зодчих».

Земной, где утверждалось: «Частные жилища и строения могут иметь от одного до девяти этажей, в зависимости от общественного положения владельца; но здания с одинаковым числом этажей должны непременно быть одинаковой высоты и без излишеств в украшательстве».

Три строения за оградой были братьями-близнецами: пятиэтажные, хмуро-серые, без малейшего намека не то что на излишества, но и вообще на попытку «украшательства». А посему на храм, пусть даже особенный, походили не более, чем Индра на Упендру.

Скука — единственное, что возникало при взгляде на сей выкидыш зодчества.

Зато снаружи решеток скукой и не пахло. Пахло бунтом и близким побоищем. Полторы дюжины матерых ракшасов всю драли глотки, изошряясь в проклятиях и ненависти к

святой пище. Косматые морды щерились частоколом клыков-желтяков, молоты кулачищ гулко лупили в бочонки грудей, а один буян — клювастый и подозрительно смахивающий на Лучшего из пернатых — уже опрокидывал котлы с топленным маслом, озираясь в поисках факела.

Кроме ракшасов, поблизости никого видно не было. Ах да, исключая обеспамятевшего полубожка в фартуке поверх нарядных одеяний — несчастный валялся у ограды, забытый всеми. Как я понял, прочие доблестные слуги Опекуна, доставив пищу, поспешили убраться восвояси.

Чтобы предвидеть будущее, им не надо было родиться ясновидцами.

Я вздохнул, оглядел себя с ног до головы, оценил безобидность облика и двинулся к эпицентру беспорядков.

Мое появление фурора не произвело. Сперва никто вообще не заметил, что на сцене появилось новое действующее лицо. Я просочился поближе к злополучным котлам, втайне морщась от резкого звериного духа и пронзительных воплей, потом взял упавшую с перевернутого блюда булочку, отряхнул грязь и принялся меланхолично жевать.

Ударь я молнией в центр столпотворения — это не произвело бы большего впечатления.

Тишина.

Только сопение и сиплый кашель одного из крикунов.

Проходит минута, другая...

— Ты кто такой? — каркают за спиной.

Это Гаруда-двойник. То ли самый сообразительный, то ли просто в зубу дыханье сперло, а потом выбросило наружу вместе с вопросом.

— Охранник, — отвечаю, давясь булочкой и старательно изображая наслаждение.

— Новенький?

— Старенький. Такой старенький, что и помереть успел. А тебе что, ворона?

Наглость производит впечатление. Вместо того чтобы вцепиться в меня со всех когтей, клювастый ухмыляется почти добродушно и косится на толпу смешливым глазом.

— Я — ворона? — хрипло смеется он. — Я, значит, ворона, а этот булкоед, значит, честный ракшас?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Глава 1. РАЙСКИЕ ДЕМОНЫ	15
Глава 2. ИСПОВЕДЬ УБИТОГО УБИЙЦЫ	33
Глава 3. БОГАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН	50
Глава 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЛОВЕЩЕГО МУДРЕЦА	66

КНИГА ВТОРАЯ

НАСТАВНИК ДРОНА ПО ПРОЗВИЩУ БРАХМАН-ИЗ-ЛАРЦА

Часть первая ДИТЯ

Глава 1. ПТЕНЕЦ ЧРЕСЛ МОИХ	89
Глава 2. ЛЮБИ МЕНЯ БОЛЬШЕ ВСЕХ	98
Глава 3. ЗАКОН И ПОЛЬЗА	119

Часть вторая ОТРОК

Глава 4. ЗАКРЫТЫЙ ЛАРЕЦ	132
Глава 5. СЕТЬ ДЛЯ МИРОДЕРЖЦЕВ	141
Глава 6. НАЧАЛО БЕЗНАЧАЛЬЯ	154

Часть третья СТРАННИК

Глава 7. ДВАЖДЫРОЖДЕННАЯ	175
Глава 8. ПО ОБЫЧАЮ РАКШАСОВ	198
Глава 9. БОЙ-В-СВЯТОМ-МЕСТЕ	230

**Часть четвертая
ИЩУЩИЙ**

Глава 10. ТОПОР-ПОДАРОК	260
Глава 11. КШАТРИЙ БРАХМАНУ НЕ ТОВАРИЩ	276
Глава 12. ЛЮБИТЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ.	301

**Часть пятая
НАСТАВНИК**

Глава 13. ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ	317
Глава 14. РОЖДЕНЬЕ НА ПОГИБЕЛЬ	340
Глава 15. ГРЯЗНЫЙ НИЩАДЕЦ	365
Глава 16. ЛЮБОВЬ ПРОТИВ ЛЮБВИ	393

КНИГА ПЕРВАЯ

**ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Глава 5. И ТЫ, КРИШНА?!	417
Глоссарий	433